

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080021665-8

ИДЕОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОГО МИРОВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ
В «ИСТОРИИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МИРА» АТА-МЕЛИКА ДЖУВЕЙНИ¹

© 2023

Ю.И. ДРОБЫШЕВ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: Предметом рассмотрения данной статьи в свете монгольской имперской идеологии является труд «История завоевателя мира» персидского историка и видного государственного деятеля Ата-Мелика Джувейни (1226–1283). Джувейни состоял на монгольской службе и посещал Каракорум, поэтому он смог запечатлеть много фактов, а также легенд, отражающих представления Чингисхана и монгольской элиты о своей «мироустроительной» роли, которую возложил на них их высшее божество – Вечное Синее Небо. Джувейни излагает некоторые постановления Великой Ясы, из которых становится очевидным, что это не просто памятник обычного права монголов, а имперское законодательство. Он сжато повествует о жизни Чингисхана и истории становления Монгольской империи и более развернуто – о деяниях его ближайших потомков: Узэдэя, Гуюка, Мункэ, Хулагу. Будучи чиновником монгольских ханов, он оправдывает их военную экспансию, но обрывает свой нарратив на разгроме исмаилитов и умалчивает о судьбе Аббасидского халифата. Чрезвычайно интересны его сообщения о начале конфликта Чингисхана с хорезмишахом Мухаммадом, об обстоятельствах закладки монгольской столицы и еще целый ряд сведений, демонстрирующих воплощение монголами своих имперских идей. Это сочинение, отражающее взгляды представителя оседлой цивилизации, представляет интерес как одна из первых попыток системного изложения истории монгольских завоеваний. Кроме того, оно обладает ценностью как источник сведений для Абу-л-Фараджа (1226–1286) и Рашид ад-Дина (1247–1318), причем у последнего многие моменты, лишь намеченные Джувейни, получают развернутое описание. Труд Джувейни вдохновил Вассафа (1265–1329) написать его продолжение, а также оказал влияние на других историков: Ибн Биби (?–1272) в Анатолии, Кади Байдави (?–1316?) в Фарсе.

Ключевые слова: Ала ад-Дин Джувейни, Иран, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология, Чингисхан.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Идеология монгольского мирового доминирования в «Истории завоевателя мира» Ата-Мелика Джувейни. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 163–173. DOI: 10.31857/S086919080021665-8

Благодарности: Благодарю М.Д. Тимохина (ИВ РАН) за ряд уточнений и замечаний, сделанных при просмотре чернового варианта статьи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 21-18-00166 «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219–1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)».

IDEOLOGY OF THE WORLD DOMINATION IN
“HISTORY OF THE WORLD CONQUEROR” BY ATA-MELIK JUVAINI²

© 2023

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The subject of this article is the work “History of the World-Conqueror” by the Persian historian and prominent statesman Ata-Melik Juvaini (1226–1283), viewed in the light of Mongol imperial ideology. Juvaini was in the Mongol service and visited Karakorum, so he was able to capture many facts and legends reflecting Genghis Khan and the Mongol elite’s ideas about their “world-building” role assigned to them by their supreme deity – the Eternal Blue Sky. Juvaini cites some laws and rulings of the Great Yasa, proving the imperial character of Mongol legislation. He tells about Genghis Khan’s life and formation of the Mongol Empire, describes biographies of Ogedei, Guyuk, Mongke, Hulagu. Being a courtier, he justifies military expansion of the Mongols, however, he ends his narrative at the moment of the defeat of Ismailis and remains silent about the fate of the Abbasid caliphate. His reports about the beginning of conflict between Genghis Khan and Khorezm Shah Muhammad, circumstances of the foundation of Mongol capital etc. demonstrate and manifest the Mongol imperial ideas. Juvaini’s work is one of the first attempts to present the Mongol conquests’ history in a systematic manner, and is also important as a source of information for Abu’l Faraj (1226–1286) and Rashid al-Din (1247–1318); the latter provided a detailed description of many points only outlined by Juvaini. Juvaini’s work inspired Wassaf (1265–1329) to write its sequel. The author also influenced other historians: Ibn Bibi (?–1272) in Anatolia, Qadi Baidawi (?–1316?) in Fars.*

Keywords: Ala ad-Din Juvaini, Iran, Mongol conquests, Mongol Empire, Imperial ideology, Genghis Khan.

For citation: Drobyshev Yu.I. Ideology of the World Domination in “History of the World-Conqueror” by Ata-Melik Juvaini. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 163–173. DOI: 10.31857/S086919080021665-8

Acknowledgements: I thank M.D. Timokhin (IOS RAS) for a number of clarifications and comments made when viewing the draft version of the article.

Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни происходил из древнего аристократического рода, представители которого занимали высшие посты в государствах Сельджуков и хорезмшахов. С приходом в Иран монголов его отец Баха ад-Дин поступил к ним на службу, и Джувейни тоже пошел по его стопам, вероятно, получив от него некоторые сведения о первых годах монгольского владычества. С 1243 по 1256 г. он находился при верховном администраторе Ирана Аргуне Аке (?–1273). После взятия Багдада войсками Хулагу (1217–1265) Джувейни был в течение года наместником этого города. В 1259 г. Хулагу назначил его управлять землями, прежде находившимися в непосредственном подчинении халифов, и он руководил ими более 20 лет. Скончался он 5 марта 1283 г.³

² The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00166 “Deferred Plan for World Conquest: The Mongols and the West, 1219–1260 (Rus, Central Europe, Middle East)”.

³ Подробнее о жизни и творчестве Джувейни см.: [Арсланова, 2002; Lane, 2003, p. 177–212]. Также см. введение к критическому изданию (1912) и переводам «Тарих-и джахан-гушай» (1958, 1997, 2004).

Считается, что Джувейни начал свой исторический труд в период пребывания в Каракоруме (май 1252 – сентябрь 1253 г.) и закончил не позже 1260 г. Одним из источников для него могло быть «Сокровенное сказание монголов», которое, по мнению Дж. Бойла, представляет собой нечто вроде политического памфлета, призванного обосновать переход власти от одной ветви Чингисидов к другой [Boyle, 1962, p. 137]. Критическое издание «Тарих-и джахан-гушай», подготовленное Мухаммадом Казвини по семи рукописям Национальной библиотеки Франции, увидело свет в 1912–1937 гг.; в это же время Э.Д. Росс выпустил факсимиле третьей части манускрипта, а в 1958 г. вышел английский перевод Дж. Бойла, переизданный в 1997 г. с сохранением пагинации первого издания. Итальянский перевод 1962 г. основывается на английском, но с некоторыми полезными уточнениями по оригиналу. Русский перевод с первого английского издания, годящийся, впрочем, лишь для ознакомительного чтения, появился в 2004 г. [*The T'arikh-i-Jahan-Gusha*, 1912, 1916, 1937; *Ta'rikh-Jahan-Gushay*, 1931; Juvaini, 1958 (repr. 1997); Juvaini, 1962 (repr. 1991); Джувейни, 2004].

Вероятно, Ала ад-Дин Джувейни со своим братом Шамс ад-Дином (?–1284), великим визирем ильханов, сознательно трудились над возрождением Ирана и «иранизацией» монгольской элиты. Поэт Саади Ширази (после 1200–1291/1292), друг и поклонник братьев, видел в них спасителей ислама [Lane, 2003, p. 185]. По словам известного специалиста по персидской истории и литературе Ч. Мелвилла, труд Джувейни можно воспринимать как закодированное послание сопротивления, а также попытку сделать монгольское завоевание объяснимым и приемлемым посредством изображения хагана Мункэ (1251–1259) как реформатора, предрасположенного к исламу и затмевающего своей справедливостью Ануширвана, а мудростью – Фаридуна. Неудивительно, что Джувейни часто ссылается на «Шахнаме», и в этих цитатах он косвенно ассоциирует монголов с туранцами, а Чингисхана уподобляет Афрасиабу [Melville, 2013, p. 362; 2019, p. 44].

Очень сложно в рамках журнальной статьи обсудить все аспекты монгольской власти, нашедшие отражение на страницах «Тарих-и джахан-гушай», поэтому мы коснемся только важнейших граней имперской идеологии монголов и ее воплощения в жизнь.

Труд Джувейни – один из наиболее информативных источников по Великой Ясе (*yāsā-nāma-yi buzurg*) [Ayalon, 1971(1); 1971(2)], авторство которой он приписывает Чингисхану [Juvaini, 1958, p. 25]. Одна яса крайне показательна: «В посланиях, которые он (Чингисхан. – Ю.Д.) посылал во всех направлениях, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию или насильственным угрозам, как это было принято у древних царей-тиранов ...; монголы, напротив, в знак своего окончательного предупреждения, написали бы так: “Если вы не подчиняетесь и не сдаетесь, то что мы знаем об этом? Древний Бог, Он знает”» [Juvaini, 1958, p. 25–26]. В сочинении Джувейни можно встретить пример, как данная формулировка применялась в монгольской дипломатической практике: послание, направленное Хулагу главе исмаилитов Рукн ад-Дину Хуршаху, было выдержано именно в этом духе [Juvaini, 1958, p. 716]. Эти же слова мы встречаем в сохранившихся указах монгольских владык. В них звучит голос империи – единственной на земле легитимной, безграничной мировой монархии, чье существование предопределено и оправдано Небом [Voegelin, 1941]. Безусловно, «Древний Бог» (*khudā-yi qadīm*) всегда стоял на стороне монголов, ввиду чего сопротивление им было бессмысленным.

Труд Джувейни – это «прежде всего, попытка объяснить завоевания как Божью волю» [Melville, 2012, p. 164]. В предисловии к своему сочинению персидский историк пытается осуществить непротиворечивый синтез монгольских гегемонистских идей и ислама, подводя своих читателей к мысли, что монгольское нашествие случилось по воле Аллаха, и в итоге ислам даже выиграл: его сфера влияния значительно расширилась, а погибшие

от рук захватчиков мусульмане стали мучениками за веру [Juvaini, 1958, p. 4–19]. Однако высшим смыслом было избавление мусульман от исмаилитов: для того Аллах и возвысил Чингисхана, чтобы его внук Хулагу покончил с этим злом, в чем, по мысли Джувейни, состояла «божественная тайна» [Juvaini, 1958, p. 638; Lane, 2003, p. 27, 185; Jackson, 2017, p. 23–24]. Итак, успехи монголов были предрешены [Juvaini, 1958, p. 19–20, 22].

В захваченной Бухаре Чингисхан якобы обратился к народу с такой речью: «О люди, знайте, что вы совершили великие грехи и что высшие из вас совершили эти грехи. Если вы спросите меня, какие у меня есть доказательства этих слов, я скажу, что это потому, что я – кара Господня (*man khudā 'azāb ām*). Если бы вы не совершили великих грехов, Бог не послал бы на вас такого наказания, как я» [Juvaini, 1958, p. 105]. Т. Мэй полагает, что эти слова вполне соответствуют духу монгольской политической доктрины, хотя маловероятно, что они действительно прозвучали [May, 2018, p. 52]. Ибн ал-Асир (1160–1233) передает, что Чингисхан потребовал с жителей Бухары серебро своего разграбленного каравана, которое, как он думал, попало к ним из Отрара [Ибн ал-Асир, 2006, с. 353]. Присвоение этого серебра и было их «великим грехом», но никаких нравоучений великий хан им не читал. По мысли П. Джексона, хотя Джувейни мог верить, что Аллах вознес Чингисхана над всеми земными царями, записанный им анекдот с «проповедью» завоевателя в Бухаре сам по себе невероятен, однако он выражает сложившуюся в Мавераннахре традицию видеть в монголах агентов Божьей кары [Jackson, 2009, p. 111]. Аналогично монголов восприняла и христианская культура.

Джувейни не мог лицезреть Чингисхана, но его положение обязывало отдать дань восхищения великому монголу: «Бог Всемогущий в мудрости и разуме отличил Чингисхана среди всех его сверстников и в остроте ума и абсолютной власти возвеличил его над всеми царями мира» [Juvaini, 1958, p. 23–24]. Автор «глобально» толкует курултай 1206 г., на котором Тэмучжин получил звание Чингисхана и закрепил свою власть над всеми кочевниками Центральной Азии: «Чингисхан носил имя Тэмучжин до того времени, когда, согласно повелению “Будь, и оно бывает”, он стал господином всех царств обитаемого мира» [Juvaini, 1958, p. 35]. По-видимому, предтечей этого события были не только битвы и дипломатия. Джувейни слышал от неких «надежных монголов» рассказы о Тэб-Тэнгри, человеке необычных способностей, который убеждал Тэмучжина в том, что Вечное Небо дарует ему и его детям всемирную власть, а также звание «Чингисхан» [Juvaini, 1958, p. 39]. В целом слова Джувейни перекликаются с сообщением «Сокровенного сказания монголов» [Козин, 1941, § 244–246].

Приводимые Джувейни материалы проливают свет на такой принципиально важный аспект, как завоевательные планы Чингисхана. Автор называет его «миропокоряющим императором» [Juvaini, 1958, p. 45, 68, 75, 81, 86, 87, 101, 118, 413], «завоевателем мира» [Juvaini, 1958, p. 86], «императором мира» [Juvaini, 1958, p. 105, 573]. Конечно, из этих хвалебных эпитетов не следует по умолчанию, что Чингисхан хотел покорить все страны и народы, которые были ему известны [Morgan, 2018, p. 45]. Не вытекает это и из стратегии военных походов, которые он направлял и о которых упоминает персидский историк. О монголо-тангутских войнах 1205–1227 гг. им не сказано почти ничего, хотя, естественно, автор не мог умолчать о таком общеизвестном факте, проникшем даже в Галицко-Волынскую летопись, как смерть Чингисхана в тангутских землях [*Полное собрание русских летописей*, 1908, стб. 745; Juvaini, 1958, p. 180]. Мотивы войны с чжурчжэнями («китаями») не раскрыты, сказано лишь, что Чингисхан направил к ним послов, а потом пришел сам, убил их императора и подчинил страну [Juvaini, 1958, p. 39], что, конечно же, было далеко не так.

Максимально подробно Джувейни рассказал о походе Чингисхана на запад, однако причина этой войны объясняется в его книге несколько двусмысленно. С одной стороны,

автор стремится снять с монгольского вождя вину за ее развязывание. Тот якобы ласково обошелся с торговцами из Хорезма, а после снарядил караван из бывших у него мусульман и отправил во владения хорезмшаха, которому адресовал следующее послание: «К нам пришли купцы из твоей страны, и мы послали их обратно так, как ты услышишь. И мы также направили в вашу страну в их компании группу торговцев, чтобы они могли приобрести чудесные товары тех краев; и чтобы отныне нарыв злых помыслов мог быть вскрыт улучшением отношений и согласия между нами, а гной крамолы и бунта был удален» [Juvaini, 1958, p. 79]. В другом месте Джувейни дает иной вариант этого послания, тоже исполненный дружелюбия [Juvaini, 1958, p. 368]⁴. Как известно, караван был вырезан и разграблен в Отраре по инициативе отрарского наместника Иналчука и, если верить Джувейни, с одобрения самого Ала ад-Дина Мухаммада [Juvaini, 1958, p. 79, 367].

Более того, Джувейни вставляет в свой рассказ слова Чингисхана, в которых тот якобы исповедуется перед Высшими силами после получения новости о гибели каравана: «В лихорадочном состоянии Чингисхан поднялся один на вершину холма, обнажил голову, склонил лицо к земле и в течение трех дней и ночей возносил молитву, говоря: “Я не был зачинщиком этой беды; дай мне силы отомстить”. После этого он спустился с холма, глубоко обдумывая действия и готовясь к войне» [Juvaini, 1958, p. 80–81]. Гора изоморфна мировой оси, она соединяет Небо и Землю, следовательно, именно на ее вершине религиозные акты должны быть максимально продуктивны. Здесь речь идет о правителе формирующейся кочевой империи – сакральной фигуре, поставленной самим Небом, в результате чего складывалась степная «вертикаль власти», соединяющая Универсум в единое целое. Тем самым древний степной обычай выходит даже не на имперский, а как бы на вселенский уровень, так как, согласно монгольской политической доктрине, хаган возглавлял не только кочевников, но и все человечество.

С другой стороны, историк проговаривается о замыслах Чингисхана насчет Хорезма. Еще до «отрарской катастрофы» тот якобы собирался напасть на земли хорезмшаха, но прежде направил войско против своего врага – наймана Кучлука, захватившего власть в государстве кара-киданей, которое в те годы разделяло владения Ала ад-Дина Мухаммада и Чингисхана [Juvaini, 1958, p. 66]. Насколько мы можем проследить логику действий Чингисхана, он намеревался – не суть, до Отрара или после – разорить владения хорезмшаха, и ни Джувейни, ни какой-либо другой известный нам средневековый историк не дают оснований думать, что он уже тогда ставил перед собой еще более далекие цели, по крайней мере, на западе. По словам Джувейни, Чингисхан объявил в начале похода, что он должен очистить эти земли от врагов [Juvaini, 1958, p. 86, 124]; речь о покорении всей вселенной не шла. Возможно, имело место «нормативное» столкновение двух сильных противников, владевших большими сегментами Великого шелкового пути и мотивированных экономическими причинами, а не реализация монгольским вождем каких-то имперских амбиций.

Однако даже если это было так, претензии мирового масштаба с монгольской стороны все же были выдвинуты, и именно в труде Джувейни приводится самый ранний из известных нам ультиматумов, в котором они звучат. Он был передан знаменитыми полководцами Чжэбэ и Субэдэем в Нишапур в мае 1220 г.: «Пусть эмиры и великие и многочисленные простые люди знают это, что... все лицо земли от восхода солнца до его захода я дал тебе⁵. Поэтому всякому, кто подчинится, будет явлена милость, а также его женам, детям и домашним; но кто не подчинится, тот погибнет вместе со всеми своими женами, детьми и родственниками» [Juvaini, 1958, p. 145]. Судя по тому, что это была копия чингисова указа,

⁴ Известна версия письма, где Чингисхан уподобляет хорезмшаха сыну, что выглядит как минимум провокационно [ан-Насави, 1996, с. 73].

⁵ Видимо, эти слова надо понимать в смысле «я, Тэнгри, дал тебе, Чингисхану».

можно предположительно датировать выпуск оригинала началом военной кампании против хорезмшаха, то есть 2019 г.⁶ Являясь крупным чиновником, Джувейни мог видеть одну из копий и включить в свое сочинение ее пересказ. Подвергать сомнению его слова нет веских причин, но насколько можно доверять заявлению о «всем лице земли», якобы дарованном монгольскому вождю?

Указанное выражение встречается в «Сокровенном сказании» в двух вариантах: 1) *urququ naran-nača šinggequii naran-tur gürtele* 'от восходящего солнца до заходящего солнца' (§ 201) и 2) *naran šinggegü-eče urququ-da gürtele* 'от заката солнца до восхода' (§ 260); следовательно, оно, скорее всего, было автохтонным для монгольской средневековой культуры. О его употреблении в монгольских текстах писали А. Мостарт и Ф.В. Кливз [Cleaves, 1952, p. 111; Mostaert, Cleaves, 1962, p. 72–73]⁷. Предположения, что это не более чем глобалистская риторика или что, напротив, в словах ярлыка выражена искренняя убежденность Чингисхана в своей мировой исключительности, представляются примерно равновероятными.

Слова «весь мир» нередко употребляются Джувейни в разных контекстах, касающихся монгольской власти. Как уже говорилось, Чингисхан величается «покорителем мира». Его потомки тоже удостоились соответствующих эпитетов. Мункэ был особо отмечен Джувейни как хаган, правивший в годы создания его книги: «император мира», «повелитель земли и века», «солнце его царских милостей озарило все человечество». Впрочем, обильные славословия в адрес Мункэ легко объяснимы. То же будет верно и относительно превознесения Хулагу, причем не только в официальном сочинении, но и в написанном в последние годы жизни автобиографическом трактате «Утешение братьев» [Lane, 2003, p. 194], где, казалось бы, Джувейни мог открыто выражать свои мысли.

Конечно, все это можно оправданно списать на авторский стиль, вообще, характерный для персидской историографии и под каламом Джувейни передающий иной посыл, нежели, скажем, историография армянская, где утверждения о том, что монголы покорили «весь мир», выражали отчаяние и намекали на близкий конец света. Здесь же мы видим начало новой эпохи, которая должна быть счастливой для мусульман, о чем Джувейни говорит прямо, подытоживая поход Чжэбэ и Субэдэя: «Это может означать конец одной империи и начало другой» [Juvaini, 1958, p. 149]. В еще большей степени начало новой эры знаменовало уничтожение войсками Хулагу общины исмаилитов в Иране. Иными словами, какими бы жестокостями и разрушениями ни отмечился путь монголов через земли мусульман и их соседей, нет причин видеть в захватчиках вестников скончания времен. Поэтому автор показывает завоевания в оптимистической тональности: «Благодаря взаимной помощи и содействию те ханы из детей Чингисхана, которые сменили его на троне, завоевали весь мир и полностью уничтожили своих врагов» [Juvaini, 1958, p. 43]. Джувейни исключает багдадского халифа из монгольских врагов, и это, по-видимому, было его твердой позицией; общеизвестно, что он воздержался от описания взятия монголами Багдада и казни халифа ал-Мустасима (1242–1258), но о причине его молчания историки спорят до сих пор. Наличие государств, оставшихся независимыми не только в годы работы Джувейни над «Историей завоевателя мира», но и к концу его жизни, таких как Делийский султанат, Египет, Византия, страны Европы, не мешало ему заявлять о власти монгольских хаганов над всей вселенной.

Джувейни приводит первое в мировой историографии описание обряда возведения потомка Чингисхана на хаганский трон: «Наконец, после долгих уговоров с их стороны

⁶ П. Джексон полагает, что слова ультиматума – анахронизм [Jackson, 2017, p. 75]. Мы склонны видеть в них идеологическое оружие, применявшееся монголами достаточно рано. Следует заметить, что концовка ультиматума противоречит словам Великой Ясы, которые Джувейни приводит в начале своей книги.

⁷ Благодарю за консультацию П.О. Рыкина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург).

и упорного отказа со стороны Угэдэя, он подчинился приказу своего отца и последовал советам своих братьев и дядей. В соответствии со своим древним обычаем они сняли шапки и накинули пояса на спины; ... Чагатай взял его за правую руку, а Отегин за левую, и по решению зрелого совета и поддержке юношеского счастья посадили его на трон. Улуг Ноян взял чашу, и все присутствующие во дворе и за его пределами трижды преклонили колени и произнесли молитвы, говоря: “Пусть царство процветает при его ханстве!” ... И они назвали его Каан, и в соответствии с обычаем все князья, служа и поклоняясь Каану, трижды преклонили колени перед солнцем снаружи *орды*» [Juvaini, 1958, p. 187]. Аналогичный рассказ он приводит об интронизации Гуюка, добавляя еще «письменную клятву» (*khatt*), которую якобы дали царевичи [Juvaini, 1958, p. 251–252]. Что она собой представляла, неизвестно, и ни о чем подобном в истории Степи прежде не сообщалось. Может быть, это и было одним из имперских нововведений в условиях появления грамотности среди детей и внуков Чингисхана. Есть сведения, что роль церемониймейстера сыграл Елюй Чуцай (1189–1243), внесший элементы китайской придворной культуры [Мункуев, 1965, с. 72, 188–189]. Однако его имя автор не называет ни разу, да и в деталях церемонии не видно чего-то специфически китайского.

При Угэдэе началось строительство имперской столицы. Джувейни сообщает ее подлинное имя – Ордубалык, хотя и оговаривается, что больше она известна как Каракорум [Juvaini, 1958, p. 236]. Он же объясняет, что Каракорумом ее назвали по имени горы, с которой стекает Орхон [Juvaini, 1958, p. 54], хотя некоторые нюансы позволяют допустить и иное толкование происхождения этого топонима [Дробышев, 2016].

Сочинение Джувейни проливает свет на подготовку монгольских захватнических кампаний и дает возможность проследить логику в выборе направлений и последовательности ударов. Как мы уже говорили, описание военных походов Чингисхана не позволяет делать выводы о его планах по завоеванию всего мира, но милитаристские замыслы его сыновей и внуков довольно конкретны и выглядят закономерными. Поначалу подчинение всего мира явно не планировалось. В ходе предыдущих войн монголы разбили не всех врагов и к тому же приобрели новых. Поэтому военные походы, запланированные в 1229 г., были направлены против них. Угэдэй вскоре после своей интронизации «послал армии во все края мира. В Хорасане и Ираке огонь раздоров и волнений еще не утих, и султан Джалал ад-Дин все еще действовал там. Туда он послал Чормагуна⁸ с несколькими эмирами и тридцатью тысячами воинов. На земли Кифчака, Саксина и Булгара он послал Кокетея и Субетей Бахадура с подобной армией. Точно так же в Тибет и Солангай он послал большие или меньшие силы: в Хитай он решил проследовать лично в сопровождении своих братьев» [Juvaini, 1958, p. 190]. Непокорный Джалал ад-Дин, конечно, требовал подчинения, а еще лучше уничтожения. Кипчакский вопрос тоже не был окончательно решен. Булгары заслуживали жестокой кары за их вероломное нападение на тумены Чжэбэ и Субэдэя, возвращавшиеся в 1223 г. из Западного похода. Под Хитаем историк подразумевал империю Цзинь, с которой монголы боролись начиная с 1211 г. и стерли с лица земли к 1234 г. Для завершения этого им потребовалось обойти Цзинь с правого фланга, пройдя по землям Восточного Тибета. Покорение самого Тибета в те годы, видимо, пока не рассматривалось. Корея (Солангай) выразила покорность еще в 1219 г., но в 1225 г. там был убит монгольский посол. Военные экспедиции продолжались около пяти лет. Последний представитель династии хорезмшахов пал в 1231 г. от безвестных разбойников, сам Угэдэй вернулся из Хитая с победой, но в Корее и на Волге добиться решительных успехов монголам не удалось. Впрочем, это не воспрепятствовало Джувейни подвести итог: «Царевичи и эмиры, которых

⁸ См. подробнее: [Мау, 1996; Тимохин, 2022].

он отправил в концы обитаемого мира, все достигли своих целей и возвратились довольные своим успехом» [Juvaini, 1958, p. 196].

Во многом благодаря Рашид ад-Дину, среди историков укоренилось мнение, что начало подлинно гегемонистской, направленной на покорение всех известных земель и стран политике монгольских хаганов было положено на *курултае* 1235 г. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 35–36]. Возможно, так и было, и автор настоящей статьи вполне разделяет указанное мнение. К тому времени был повержен давний противник кочевников – чжурчжэни, а государство хорезмшахов лежало в руинах. Между тем, экономика растущей Монгольской империи требовала новых доходов, которые добывались, в первую очередь, грабежом.

Дата второго *курултая* в рукописях «Истории завоевателя мира» опущена, но это должен был быть 1235 г.: «И поскольку было много мест на земле, где ветер восстания не покидал умы людей, он (Угэдэй. – Ю.Д.) поручил каждому из своих сыновей и родственников особую кампанию и решил еще раз принять личное участие и привести в движение свои бразды правления» [Juvaini, 1958, p. 198]. Основное внимание направили на подчинение кипчаков и венгров, против которых выступили армии под руководством старших родовичей четырех сыновей Чингисхана: Бату от Джучидов, Мункэ от Толуидов, Бури от Чагатаидов (не назван Джувейни) и Гуюк от Угэдэидов.

Гуюк представляет специальный интерес в связи с обстоятельствами его возвращения в Каракорум. В Ипатьевском летописном своде, старейшая рукопись которого датируется концом 1420-х гг., рассказывается, что во время осады Киева монголами поздней осенью 1240 г. в русский плен попал некий «татарин» Товрул. Он перечислил имена полководцев, среди которых был и Гуюк: «... и Кююк иже вратися. оувѣдав смерть кановоу. и бы каномъ. не от роду же его. но бѣ воевода его перьвыи» [*Полное собрание русских летописей*, 1908, стб. 785]. Это заявление выглядит полным абсурдом: во-первых, великий хан скончался год спустя падения Киева, 11 декабря 1241 г., во-вторых, Гуюк был внуком Чингисхана. Впрочем, противоречие несложно объяснить смертельной враждой между Бату и Гуюком и очернением последнего в информационном поле Улуса Джучи. Сложнее дело обстоит с хронологией. «Сокровенное сказание» сообщает, что Гуюк прибыл по приказу своего родителя и получил жестокий выговор за ссору с Бату [Козин, 1941, § 275–277], однако чрезвычайное многословие этого эпизода возбуждает подозрение, что на самом деле что-то было не так. Возможно, заключительные главы «Сокровенного сказания» редактировались в годы правления Мункэ – фактически ставленника Бату, иначе трудно объяснить присутствие в них обличений Гуюка. Как раз в это время в Каракоруме побывал Джувейни, трижды повторивший на страницах своего труда, что Гуюк не застал Угэдэя в живых [Juvaini, 1958, p. 239–240, 244, 248]. Не исключено, что его действительно отравили, как утверждает Плато Карпини [Плато Карпини, 1997, с. 79], но это не меняет сути: Гуюк не успел. Корейский исследователь Ким Ходон пришел к убедительному выводу, что параграфы 275, 276 и 277 «Сокровенного сказания» – поздняя вставка, и рассказу о вызове Гуюка в Каракорум доверять не следует [Hodong, 2005, p. 317]. Таким образом, можно заключить, что информация Джувейни об обстоятельствах прихода Гуюка к власти, скорее всего, близка к истине.

Гуюк за свое короткое правление не организовал масштабных военных кампаний, хотя, если верить Плато Карпини, провозгласил новый поход на Европу [Плато Карпини, 1997, с. 80]. В начале 1248 г. хаган выступил в западном направлении, но дошел лишь до пределов Бешбалька, где его настигла смерть. Среди историков доминирует убеждение, что Гуюк шел поквитаться с Бату, и к реализации «мироустроительных» идей это мероприятие отношения не имело, однако его современный «адвокат» Ким Ходон, тщательно рассмотрев обстоятельства подготовки этого похода, заключил, что «его конечной целью было устранить

противников в исламском мире и Западной Европе и, таким образом, достичь завоевания мира» [Hodong, 2005, p. 333]. Информация, содержащаяся в книге Джувейни, подтверждает слова ученого. Гуюк отправил своих полководцев на юг Китая, в Тибет и Корею, но, судя по всему, направлением главного удара был запад, куда он послал нойона Эльджигитая с большим войском. Начать кампанию предполагалось с нападения на исмаилитов. Кроме того, он собирался упорядочить дела в Туркестане, Трансоксании, Азербайджане, Ираке, Руме, Грузии, Ширване, Луре и других землях [Juvaini, 1958, p. 256–257]. Впрочем, по мнению Т. Мэя, Эльджигитай не добился фактически ничего. Армии, отправленные Гуюком против Сун и Кореи, тоже почти не имели успеха [May, 2016, p. 32].

Согласно представлениям центрально-азиатских номадов, законность власти того или иного индивида не только проистекает из его родословной, но и даруется милостью Неба, проявляющейся в экстраординарной удачливости. Оба эти канала легитимности действительны в случае Мункэ. Джувейни акцентирует внимание на чудесной поимке кипчакского вождя Бачмана на Волге и успешном раскрытии заговора, которые обеспечили власти Мункэ бесспорную легитимность: «Эти знаки указали на причину передачи власти и ключей империи Императору Мира Менгу Каану, которая не требует дальнейшего доказательства» [Juvaini, 1958, p. 554]. На самом же деле приход Мункэ к власти часто трактуется как государственный переворот, что и потребовало от нашего автора особых доводов.

Очевидно, апофеозом нарратива Джувейни должно было явиться повествование о победоносном походе Хулагу против исмаилитов. Однако в плане монгольской имперской идеологии оно не столь показательно; некоторый интерес вызывает первое появление в списке А «Тарих-и джахан-гушай» титула «ильхан» [Juvaini, 1958, p. 632]⁹. В целом исследователи склоняются к мнению, что его принятие Хулагу (и даже его сыном Йошмутом) [Amitai-Preiss, 1991] должно было означать признание монгольской власти в Иране и Ираке только в качестве части целого. Ее легитимность вытекала из легитимности великого хана, который, в свою очередь, получал ее по наследству от Чингисхана. Ч. Мелвилл утверждает, что ильханы не имели концепции создания независимости своего государства [Melville, 2019, p. 39], но это весьма дискуссионный вопрос, выходящий за рамки нашего исследования. Вообще, государственный Джувейни не одобряет сепаратизм и подчеркивает единство, которое позволило монголам осуществить беспрецедентные завоевания. Именно благодаря согласию «Чингисхан и его потомки завоевали большую часть мира; а остальное человечество дышит дыханием покорности и мирится с выплатой налогов (*māl*) и дани (*kharāj*)» [Juvaini, 1958, p. 593]

Подводя итоги, отметим, что Джувейни дал системное изложение первых десятилетия развития Монгольской империи. Центробежные тенденции, которые отразились на его страницах, выглядят успешно преодоленными, и империя показана в зените своего могущества. Джувейни был свидетелем кровавой распри между Хулагуидами, которым он служил, и Джучидами; застал он и период борьбы за верховную власть двух братьев-хаганов – Хубилая и Ариг-Буги, и Таласский курултай 1269 г., фактически узаконивший раздел империи, но все эти события остались за рамками его труда.

Рассматриваемое сочинение, при всех допущенных в нем преувеличениях, достаточно точно раскрывает «мироустроительные» замыслы монгольских хаганов и этапы их осуществления, подтверждаемые и дополняемые рядом других источников. «История завоевателя мира» незаменима в деле реконструкции монгольской имперской идеологии XIII в. Вопреки своему названию, она не позволяет говорить о Чингисхане как о стратеге, строившем планы по подчинению не только всей земли, но даже мира ислама.

⁹ О других монгольских титулах, встречающихся в труде Джувейни, включая имперский «каан», см.: [Boyle, 1956].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арсланова А.А. Ала ад-Дин Джувейни как политик и историк. *Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность*. Казань: Изд-во КГУ, 2002. С. 136–147 [Arslanova A.A. Ala ad-Din Juvaini as Politician and Historian. *Legacy of Mongolist O.M. Kovalevskiy in Contemporary Times*. Kazan: Izdatel'stvo KGU, 2002. Pp. 136–147 (in Russian)].
- Джувейни Ата-Мелик. *Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни*. Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004 [Juvaini Ata-Melik. *Genghis Khan. The History of the Conqueror of the World, Recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juvaini*. Tr. E.E. Kharitonova. Moscow: Magister-Press, 2004 (in Russian)].
- Дробышев Ю.И. Каракорум и вулкан Хорго. *Турко-монгольский мир в прошлом и настоящем*. СПб.; Улан-Батор: [Б.и.], 2016. С. 167–177 [Drobyshev Y.I. Karakorum and Khorgo Volcano. *The Turko-Mongolian World in the Past and Present*. Saint Petersburg; Ulaanbaatar, 2016. Pp. 167–177 (in Russian)].
- Ибн ал-Асир. *Ал-камил фи-т-та'рих (Полный свод истории)*. Пер. П.Г. Булгакова, доп. Ш.С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Asir. *Al-kamil fi-t-ta'rih (Complete Summary of History)*. Tr. P.G. Bulgakov, add. S.S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].
- Козин С.А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Kozin S.A. *The Secret History of the Mongols. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].
- Мункуев Н.Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая*. М.: Наука, 1965 [Munkuev N.T. *Chinese Source on the First Mongol Khans. The Tombstone Inscription on the Grave of Yelu Chucai*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].
- ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Изд. критич. текста, пер. З.М. Бунятова. М.: Восточная литература, 1996 [an-Nasavi, Shikhab ad-Din Mukhammad. *Sirat as-sultan Jalal ad-Din Mankburny (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburny)*. Crit. text, tr. Z.M. Bunyatov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996 (in Russian)].
- Плано Карпини. *История монголов. Путешествия в восточные страны*. Вступит. статья, коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997 [Plano Carpini. *History of Mongols. Travels to the Eastern Countries*. Introduction and comm. M.B. Gornung. Moscow: Mysl, 1997 (in Russian)].
- Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись*. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypatian Codex. Saint Petersburg: Tipografiya M.A. Alexandrova, 1908 (in Russian)].
- Рашид ад-Дин. *Сборник летописей. Т. II*. Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles. Vol. II*. Tr. Y.P. Verkhovsky. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960 (in Russian)].
- Тимохин Д.М. О некоторых дискуссионных сюжетах относительно похода Чормагана в Иран в мусульманских источниках. *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 2. С. 314–331 [Timokhin D.M. About some Controversial Stories Related to the Campaign of Chormagan in Iran in Muslim Sources. *Golden Horde Review*. 2022. Vol. 10. No. 2. Pp. 314–331 (in Russian)].
- Amitai-Preiss R. Evidence for the Early Use of the Title *ilkhān* among the Mongols. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. 1991. Vol. 1. No. 3. Pp. 353–361.
- Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Reexamination. *Studia Islamica*. Part A. 1971(1). No. 33. Pp. 97–140; Part B. 1971(2). No. 34. Pp. 151–180.
- Boyle J.A. On the Titles Given in Juvaini to Certain Mongolian Princes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. No. 1/2. Pp. 146–154.
- Boyle J.A. Juwayni and Rashid al-Din as Sources on the History of the Mongols. *Historians of the Middle East*. В. Lewis, P.M. Holt (eds.). London: Oxford University Press, 1962. Pp. 133–137.

- Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15. No. 1/2. Pp. 1–123.
- Hodong K. A Reappraisal of Güyüg Khan. *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden, Boston: Brill, 2005. Pp. 309–338.
- Jackson P. Mongol Khans and Religious Allegiance: The Problems Confronting a Minister-Historian in Ilkhanid Iran. *Iran*. 2009. Vol. 47. No. 1. Pp. 109–122.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017.
- Juvaini, Ata-Malik. *Gengis-Khan il conquistatore del Mondo*. Transl. by G.R. Scarcia. Milan: A. Mondadori – il Saggiatore, 1962 (repr. 1991).
- Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J.A. Boyle. Vol. I–II. Manchester: Manchester University Press, 1958 (repr. 1997 in 1 vol.).
- Lane G. *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran. A Persian Renaissance*. London; New York: RoutledgeCurzon, 2003.
- May T. *Chormaqan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East*. Thesis for the Master of Arts degree. Indiana University, 1996.
- May T. Mongol Conquest Strategy in the Middle East. *The Mongols' Middle East. Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. B. De Nicola, Ch. Melville (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2016. Pp. 13–37.
- May T. The Mongols as the Scourge of God in the Islamic World. *Violence in Islamic Thought from the Mongols to European Imperialism*. R. Gleave, I.T. Kristo-Nagy (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. Pp. 32–57.
- Melville Ch. The Mongol and Timurid Periods, 1250–1500. *A History of Persian Literature. Vol. X. Persian Historiography*. Ch. Melville (ed.). London; New York: I.B. Tauris, 2012. Pp. 155–208.
- Melville Ch. The Royal Image in Mongol Iran. *Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingships in the Ancient and Medieval Worlds*. L. Mitchell, Ch. Melville (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2013. Pp. 343–370.
- Melville Ch. Concepts of Government and State Formation in Mongol Iran. *Iran after the Mongols*. S. Babaie (ed.). London; New York: I.B. Tauris, 2019. Pp. 33–54.
- Morgan D.O. The Mongols in Iran, 1219–1256. *The Coming of the Mongols*. D.O. Morgan, S. Stewart (eds.). London, New York: I.B. Tauris, 2018. Pp. 45–54.
- Mostaert A., Cleaves F.W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Arğun et Öljeitü. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
- Ta'rikh-Jahan-Gushay of Juwayni. Vol. III (facsimile of a MS.). Sir E.D. Ross (ed.). London: The Royal Asiatic Society, 1931.
- The T'arikh-i-Jahan-Gusha of Ala'u d-Din 'Ata-Malik-i-Juwayni. Mirza Muhammad Qazvini (ed.). 3 vols. London: Luzac & Co., 1912, 1916, 1937.
- Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255. *Byzantion*. Vol. XV. Boston, 1941. Pp. 378–413.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.